
Индира Дол
Поезд в снежную вечность

Индира Дол

Поезд в снежную вечность

«Автор»
2026

Дол И.

Поезд в снежную вечность / И. Дол — «Автор», 2026

С заброшенного лесного полустанка в сапфировую январскую ночь отправляется старинный «Ночной Экспресс», держащий путь к таинственной станции «Снежная Вечность». В числе его пассажиров — юный хранитель лавки чудес Чора, его верная подруга-архитектор Настя, мудрая тётушка Агата и старший ревизор Переулка Фонарщиков кот Барсик с золотой медалью на груди. Друзьям предстоит пересечь заснеженные горные перевалы, разгадать загадку безбилетного пассажира в седьмом купе, остановить коварного антиквара Верещагина и вовремя встретиться с родителями Чоры, которые добывают у подножия ледников редчайший Снежный Зверобой для спасения зимней магии всей земли. Внутри вас ждут завораживающие зимние пейзажи, уютная атмосфера старинного поезда, добрый юмор и согревающие дорожные рецепты. Третья книга трилогии «Тихая магия зимы».

© Дол И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 10
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Индира Дол
Поезд в снежную вечность

Глава 1

Ночь седьмого января стояла над заброшенным лесным полустанком тихая, величавая и глубокая, словно вылитая из синего богемского хрусталя. Вековые сосны, укутанные с острых макушек до самых корней в тяжёлые, нетронутые снежные шубы, застыли вдоль покосившейся деревянной платформы, точно седобородые великаны в серебряных шлемах, несущие немую стражу у самого края обитаемого света. Мороз к полуночи окреп не на шутку и сделался сухим, строгим, обжигающим; снег под ногами не мягко поскрипывал, как днём в городе, а звонко, отрывисто хрустел, будто под сапогами ломались тонкие ледяные пластинки. В прозрачном, звенящем воздухе над старой водонапорной башней, обросшей бородой из длинных сосулек, горели крупные, колючие январские звёзды, и тишина стояла такая звонкая, что, казалось, слышно, как за лесом дышит спящая земля.

На душе у Чоры в эту минуту было странно, тревожно и вместе с тем необыкновенно легко. Юноша стоял на краю обледенелой платформы, зябко кутаясь в тёплый шерстяной шарф и то и дело поправляя запотевшие на стуже круглые очки, за которыми горели живые, пытливые глаза. Ещё неделю назад он считал себя самым рассудительным первокурсником фармацевтического факультета, верил лишь в формулы из толстых учебников да в строгую инвентаризацию, а нынче — вот диво! — стоял посреди ночного бора в ожидании призрачного поезда, сжимая в кармане медный компас зодчего Леопольда и золотой билет до таинственной «Станции Снежная Вечность». Сердце его билось часто и гулко — то ли от холода, пробирающегося под куртку, то ли от острого предчувствия грядущей встречи с отцом и матерью, которых он не видел с самой осени.

Рядом, прижимая к груди большой чёрный тубус для чертежей и старинный фотоаппарат в кожаном футляре, переминалась с ноги на ногу Настя. Румянец от мороза расцвёл на её щеках ярче спелых зимних яблок, из-под пушистой белой шапки выбивались заиндевевшие русые локоны, а в глазах светилось такое чистое, детское восхищение, словно она попала прямиком на страницы любимой сказки.

— Погляди, Чора, какие звёзды... — тихо прошептала она, стараясь не нарушить торжественного безмолвия леса, и облачко белого пара сорвалось с её губ. — Будто кто-то рассыпал по бархату горсть алмазов. Неужто и впрямь сюда придёт настоящий поезд? Ведь рельсы здесь, посмотри, совсем снегом занесло...

— Придёт, милая, непременно придёт, — негромко, но твёрдо отозвалась тётушка Агата, поправляя на плечах тёмно-вишнёвый бархатный жакет поверх шубы и крепче перехватывая ручку старого кожаного саквояжа. В её живых карих глазах светилась спокойная, испытанная годами уверенность, хотя в глубине души пожилая женщина тоже волновалась за брата и невестку, застрявших среди снежных перевалов Кавказа. — Наш род хранит эту дорогу два столетия, и ещё ни разу в ночь после Рождества «Ночной Экспресс» не опоздал ни на единую минуту.

А впереди всех, на самом краю деревянного настила, гордо выпятив ослепительно белую манишку с сияющей золотой медалью на груди, восседал кот Барсик. Красный праздничный бант на его шее алел в полумраке, как маковый цвет на снегу, длинные гвардейские усы заиндевели и топорщились воинственно, а круглые жёлтые глаза внимательно вглядывались в тёмную лесную просеку, откуда доносился едва уловимый, растущий с каждой секундой гул.

И вот дальний сосновый бор озарился ярким, тёплым золотым лучом. Из морозной мглы, рассекая сугробы и окутывая себя густыми, шипящими на холоде клубами белого пара, бесшумно выплыл «Ночной Экспресс».

Вид у состава был самый диковинный, словно он выехал прямиком из позапрошлого столетия: пузатый чёрный паровоз с высокой медной трубой, украшенной пушистым еловым венком и алыми лентами, тянул за собой семь тёмно-синих вагонов с резными деревянными наличниками, в высоких окнах которых горел мягкий, уютный медовый свет. Поезд плавно, без единого скрежета, замедлил ход и замер у платформы, обдав путников тёплым запахом каменного угля, хвои и печёных яблок. Над распахнутой дверью третьего вагона качался на ветру медный фонарь, освещая высокую чугунную ступеньку и стоящего на ней проводника в длинном, расшитом серебряным позументом мундире и меховой шапке.

Чора глубоко вздохнул, почувствовал, как волнение уступает место решимости, и протянул проводнику золотой билет без даты.

Но не успел проводник прикоснуться к заветному картону, как из-за угла заснеженной водонапорной башни выскочила длинная, тощая тень. Снег брызнул из-под каблуков, и на платформу, тяжело дыша, хрипя и размахивая тростью с костяным набалдашником, вылетел антиквар Верещагин. Каракулевое пальто его распахнулось на ветру, золотое пенсне съехало на самый кончик хищного орлиного носа, а глаза горели такой лихорадочной, безумной жадностью, словно перед ним открылись все сокровища царя Соломона.

— Стой! Не пускать! Этот билет по праву принадлежит мне! — завопил он охрипшим от стужи голосом, бросаясь наперерез Чоре и пытаясь вырвать золотой билет прямо из рук юноши. — Я первый прибыл на станцию! Я плачу за место в первом классе чистое золото!

Чора инстинктивно отпрянул назад, прикрывая ладонью нагрудный карман, где лежал тёплый медный компас зодчего Леопольда, а тётушка Агата с воинственным возгласом замахнулась на наглеца своим тяжёлым кожаным саквояжем. Но в тот же миг проводник в серебряном мундире шагнул вперёд, преградив антиквару путь к подножке, и произнёс голосом столь холодным и гулким, что с крыши вагона посыпался серебристый иней:

— Милостивый государь, на «Ночной Экспресс» допускаются лишь те, чьё имя вписано в книгу добрых дел сего года и у кого в груди бьётся горячее, бескорыстное сердце. Вашего же имени в моих списках не значится, а от вашего пальто веет лишь скупостью да старым нафталином. Отойдите от края платформы!

— Вздор! Шарлатанство! Не сметь мне указывать! — взвизгнул Верещагин, занося трость, чтобы оттолкнуть проводника и силой вскочить на ступеньку вагона, когда паровоз вдруг дал протяжный, глубокий гудок, от которого задрожали верхушки сосен.

И тут в дело вступил старший ревизор Переулка Фонарщиков.

Барсик не стал дожидаться, пока люди закончат светскую беседу. Прижав уши и распушив чёрно-белый хвост до размеров каминной метёлки, кот пружинисто оттолкнулся от обледенелых досок платформы, пролетел по морозному воздуху, как пушечное ядро, и приземлился аккурат на цилиндрическую шляпу антиквара! Шляпа с глухим стуком нахлобучилась Верещагину прямо на глаза и нос, погрузив его в непроглядную тьму, а сам Барсик, оттолкнувшись от его плеча, с грацией циркового акробата прыгнул прямо в распахнутую дверь вагона.

— Караул! Слепну! Разбой среди ночи! — заголосил ослеплённый шляпой антиквар, закружился волчком на скользкой платформе, потерял равновесие и с протяжным, жалобным стоном рухнул в огромный пушистый сугроб у самого края перрона, откуда наружу торчали лишь его длинные ноги в лакированных галошах.

Чора, Настя и тётушка Агата мигом поднялись по ступенькам в тёплый, пахнущий свежим деревом тамбур. Проводник поднял медный фонарь, взмахнул зелёным флажком — и старинный паровоз, выпустив к звёздам густой сноп золотых искр, плавно тронулся с места. Колёса мерно и радостно застучали на стыках рельсов, мелькнули позади заснеженные сосны

лесного полустанка, и вскоре «Ночной Экспресс» на всех парах нёсся сквозь синюю январскую ночь туда, где среди вечных снегов и горных перевалов скрывалась тайна Снежной Вечности.

Чора перевёл дух, прислонился к полированной стене коридора и посмотрел на сидящего у ног Барсика, который с самым невозмутимым, победоносным видом вылизывал белую лапку.

— Ну, ревизор, с почином нас, — тихо усмехнулся юноша, поправляя очки и ощущая, как на смену тревоге в груди разливается светлая радость большого приключения. — Однако что-то подсказывает мне, что с этим Верещагиным мы ещё не попрощались. Пойдёмте-ка в вагон-ресторан — тётушка обещала согреть нас дорожным чаем, а заодно поглядим, кто ещё едет этим удивительным поездом.

Глава 2

Глава 2.

Внутри «Ночного Экспресса» царила та особая, ни с чем не сравнимая дорожная благодать, какая бывает лишь в старинных поездах, мчащихся сквозь глубокую зимнюю ночь. Стоило закрыться тяжёлой дубовой двери тамбура, как злой лесной мороз остался снаружи, а путников обдало сухим, ласковым теплом, пахнущим полированным красным деревом, свежей еловой хвоей, берёзовым дымком и далёкими путешествиями.

Колёса внизу мерно и певуче выстукивали на стыках рельсов старинную колыбельную: *«тук-тук, тук-тук»*, — и под этот убаюкивающий ритм Чора, Настя, тётушка Агата и гордо шествующий впереди кот Барсик прошли по узкому коридору, устланному мягкой малиновой ковровой дорожкой, и распахнули застеклённую дверь вагона-ресторана.

Настя тихонько ахнула и остановилась на пороге, восхищённо оглядываясь по сторонам. Вагон-ресторан вовсе не походил на привычные современные вагоны с пластиковыми столиками — он напоминал уютную гостиную старинной дворянской усадьбы. Стены его были обшиты тёплыми ореховыми панелями с резными пилястрами; вдоль широких окон, за которыми в синей темноте проносились заснеженные ели, выстроились столики, накрытые накрахмаленными белыми скатертями; на каждом столе горела небольшая настольная лампа под шёлковым абажуром с бахромой, а в самом конце зала потрескивал живым, весёлым огнём настоящий чугунный камин с медной решёткой.

— Вот это архитектура! — прошептала Настя, мгновенно позабыв об усталости и уже доставая из сумки альбом для набросков. — Погляди, Чора, какие своды, какая резьба по дереву! Настоящий дворец на колёсах!

— А пахнет-то как, милые мои! — с удовольствием принюхалась тётушка Агата, усаживаясь за угловой столик у самого камина и ставя рядом свой кожаный саквояж. — И корицей, и жареным миндалём, и сушёными яблоками. Ну-ка, племянничек, доставай из саквояжа наш дорожный сбор, а я попрошу у буфетчика кипятку и стаканы в серебряных подстаканниках. Какое же путешествие без настоящего поездного чая?

Барсик не стал дожидаться приглашения: он ловко вспрыгнул на обитый зелёным бархатом диванчик рядом с тётушкой, свернулся тугим калачиком у самого каминного тепла, вытянул передние лапы так, чтобы золотая медаль на его груди эффектно поблёскивала в отсветах пламени, и принялся с важным видом обозревать немногочисленных пассажиров вагона.

А публика здесь собралась прелюбопытная.

За соседним столиком у окна сидел сухощавый, благообразный старичок с длинной серебристой бородой, в тёмно-синем сюртуке, весь жилет которого был увешан десятками карманных часов на золотых и серебряных цепочках. Часы эти тикали не вразнобой, а удивительно слаженно, словно крошечный оркестр, а сам старичок аккуратно протирал замшевой тряпочкой миниатюрный песочный хронометр.

Напротив него, укутавшись в пуховую оренбургскую шаль и попивая из фарфоровой чашки горячий шоколад, сидела величественная пожилая дама с высокой причёской, в старинном кружевном чепце и с толстой тетрадью в сафьяновом переплёте. Она то и дело шептала что-то себе под нос, записывала серебряным карандашом в тетрадь и ласково улыбалась, глядя в тёмное окно, где за стеклом кружились снежные вихри.

— Позвольте приветствовать новых путников! — раздался вдруг густой, раскатистый, добродушный голос от двери, ведущей в сторону паровоза.

В вагон-ресторан вошёл высокий, широкоплечий человек в поношенном кожаном полушубке, форменной железнодорожной фуражке с медной кокардой и с лицом, перепачканным

сажей, на котором сияли удивительно добрые, ясные голубые глаза. Он стянул с рук толстые брезентовые рукавицы, вежливо поклонился тётушке Агате и подмигнул Чоре:

— Я Игнат, машинист этого экспресса. Зашёл на минутку поглядеть, все ли гости устроились с удобством. Вижу, вы из Переулка Фонарщиков? Тётушку Агату я знаю давно — сколько раз её травяные сборы спасали мою бригаду от горной стужи на перевалах! А вот с молодым хранителем и его подругой имею честь познакомиться впервые.

— Очень приятно, Игнат, — улыбнулся Чора, поправляя круглые очки и пожимая крепкую, тёплую руку машиниста. — Скажите, далеко ли нам до станции «Снежная Вечность» и успеем ли мы на перевал к моим родителям?

Машинист на миг посерьёзнел, погладил рыжеватые усы и покосился на окно, за которым ветер закручивал за стеклом белую снежную метель.

— Путь неблизкий, друг мой, и дорога нынче неспокойная. В горах разыгралась великая январская буря — такая бывает раз в полвека, когда зацветает Снежный Зверобой. К утру мы выйдем к Перевалу Семи Ветров, но держите ухо востро: мне недавно доложил проводник, что в последнем, седьмом купе пятого вагона обнаружился странный безбилетный пассажир, который запирается изнутри и никому не показывает лица. Сдаётся мне, не обошлось тут без чужого умысла.

Чора и Настя тревожно переглянулись, а кот Барсик мгновенно приподнял голову, прижал уши и тихонько, но грозно заурчал в усы. Неужто хитрый антиквар Верещагин всё-таки умудрился вскочить на подножку последнего вагона, когда поезд набирал ход?!

— Не тревожьтесь раньше времени, друзья, — мягко вмешалась тётушка Агата, разливая по высоким стаканам в резных мельхиоровых подстаканниках дымящийся, рубиново-янтарный чай. — Утро вечера мудрее, а сейчас ничто так не проясняет ум и не согревает душу, как добрый дорожный чай по старинному рецепту из нашей лавки. Пейте, пока горячий!

И стоило друзьям сделать первый глоток ароматного напитка, как тревога отступила, уступая место спокойной уверенности: впереди их ждало настоящее ночное расследование, но команда Переулка Фонарщиков была готова к любым испытаниям.

Рецепт из саквояжа тётушки Агаты: Дорожный пряный чай в подстаканнике «Снежный путь». Этот согревающий, душистый чай с апельсином, клюквой и пряностями мгновенно прогоняет дорожную усталость и дарит ощущение уюта, даже если за окном бушует зимняя метель:

Ингредиенты (на 2 больших стакана или заварочный чайник 600 мл):

Крупнолистовой чёрный чай — 2 ч. ложки с горкой;
Свежая или замороженная клюква (или брусника) — 2 ст. ложки;
Апельсин — 2–3 кружочка (вместе с цедрой);
Сушёный чабрец или мята — щепотка;
Мёд или тростниковый сахар — 2–3 ч. ложки (по вкусу);
Кипяток — 550–600 мл.

Глава 3

Глава 3.

За полночь «Ночной Экспресс» вырвался из густого соснового бора на открытую, заснеженную равнину, и картина за вагонным окном сменилась до неузнаваемости. Снежная степь, бесконечная и серебристая под полной январской луной, раскинулась до самого горизонта, словно застывшее белое море; редкие перелески мелькали тёмными островами, а снежные вихри, поднятые бегом тяжёлого состава, кружились вдоль оконных стёкол, точно призрачные танцоры. Мерный, убаюкивающий перестук колёс и глухое, могучее дыхание паровоза наполняли ночную тишину особым, тревожным очарованием.

В купе третьего вагона, где расположились путешественники, горел лишь ночной синий фонарик под потолком. Тётушка Агата, укрывшись пуховым платком, мирно дремала на нижней полке, тихонько похрапывая во сне. А вот Чора и Настя спать и не думали — едва за дверью затихли шаги последнего проводника, друзья переглянулись и бесшумно выбрались в тускло освещённый коридор.

Впереди, высоко задрав пушистый хвост и поблёскивая в полумраке круглыми жёлтыми глазами, уже выступал старший ревизор Барсик. Золотая медаль на его белой манишке была бережно прикрыта красным бантом, чтобы не звякнула невпопад, а мягкие лапы ступали по малиновой ковровой дорожке так тихо, что и мышь бы не услышала.

— Помнишь, что сказал машинист Игнат? — шёпотом проговорил Чора, поправляя круглые очки и придерживая рукой сдвижную дверь между вагонами, откуда в лицо пахнуло колючим, обжигающим ветром и снежной пылью. — В седьмом купе пятого вагона заперся какой-то таинственный безбилетник. Если это Верещагин умудрился вскочить на подножку, когда поезд трогался, нам надобно выведать его замысел прежде, чем мы выйдем к горным перевалам.

— И заодно проверить, не пробрался ли он уже в наш вагон, — тихо отозвалась Настя, плотнее кутаясь в тёплую шаль и держа наготове маленький карманный фонарик.

Миновав четвёртый вагон, где за закрытыми дверями купе слышалось ровное, спокойное дыхание спящих пассажиров, друзья перешли в пятый. Здесь стояла странная, зябкая тишина; латунные ручки дверей тускло поблёскивали в свете ночных плафонов, а от самого конца коридора, от двери с медной цифрой «7», веяло непривычным холодом и едва уловимым запахом старого нафталина и дорогого одеколона.

Барсик замер у порога седьмого купе, приложил пушистое ухо к нижней щели двери, шумно втянул носом воздух — и вдруг резко прижал уши, глухо заурчав в усы. Из-за запертой двери доносилось неровное, прерывистое сопение, тихий шелест разворачиваемой бумаги и сухое пощёлкивание какого-то металлического замка.

Чора осторожно приложил ухо к тёплому ореховому дереву двери, но в ту же секунду за перегородкой раздался тихий, торжествующий смешок, за которым последовал резкий звук открываемой оконной рамы!

— Помилуй бог, он же окно на ходу открыл! — ахнула Настя.

Чора не стал раздумывать. Он навалился плечом на сдвижную дверь — старый замок поддался с коротким металлическим лязгом, и дверь отъехала в сторону. В купе гулял ледяной ночной ветер, в распахнутое окно залетали колючие снежинки, а на столе у окна лежали брошенное впопыхах каракулевое пальто, цилиндрическая шляпа и золотое пенсне. Самого же гостя в купе не было — лишь край тёмного сюртука мелькнул на мгновение за углом, у двери в служебный тамбур хвоста поезда!

— Верещагин! — воскликнул Чора, бросаясь к столу, и тут же побледнел, хлопнув себя по нагрудному карману куртки. — Карман пуст! Он каким-то чудом выкрал медный компас, пока мы сидели в вагоне-ресторане, и хотел подменить его вот этой пустой жестяной коробкой!

На столе действительно лежала старая, помятая коробка из-под монпансье, в точности повторяющая размером и весом старинный компас зодчего Леопольда. Видимо, коварный антиквар прокрался в их купе, пока все пили дорожный чай, и совершил подмену, надеясь скрыться в последнем вагоне!

Поспешив обратно в тёплый вагон-ресторан, чтобы предупредить машиниста Игната и тётушку Агату, друзья застали там картину, ещё более укрепившую их подозрения.

В углу у окна величественная старая графиня в кружевном чепце и пуховой оренбургской шали, которая ещё час назад так ласково улыбалась заснеженной ночи, теперь сидела поникнув, прижав к лицу батистовый платочек, а её толстая тетрадь в сафьяновом переплёте лежала на столе раскрытой — и страницы её были совершенно пусты!

Барсик тотчас насторожил уши, повёл белыми гвардейскими усами и тихонько толкнул Чору пушистой лапой в колено: мол, гляди, ревизорская работа не ждёт, над бабушкой клубится густое облако печали!

Чора поправил круглые очки и деликатно подошёл к столику пожилой дамы.

— Простите за беспокойство, сударыня, — мягко произнёс он. — Не случилось ли у вас какой беды? Быть может, наш дорожный травяной сбор поможет прогнать грусть?

Старая графиня подняла на юношу влажные, добрые голубые глаза и с лёгкой, виноватой улыбкой покачала головой:

— Благодарю вас, милый молодой человек... Вы так добры, но тут беда иного рода. Видите ли, я еду на Станцию Снежная Вечность к своему маленькому внуку, который живёт в далёком северном городе и сильно приболел под самое Рождество. Весь год я сочиняла для него волшебную зимнюю сказку — записывала её вот в эту заветную тетрадь, чтобы прочесть ему у постели в праздничную ночь и вернуть ему радость и силы. Но когда наш поезд проезжал мимо тёмного соснового бора, в вагон забрался какой-то злой, скупой человек, от которого веяло ледяной корыстью... И от одного его присутствия все чернила в моей тетради вымерзли и исчезли без следа! Теперь я еду к внуку с пустыми руками...

Чора и Настя тревожно переглянулись — сомнений не было, это мрачная аура прокравшегося в поезд антиквара Верещагина погубила страницы! Но Настя не растерялась: она присела рядом с графиней, взяла её за морщинистую, тёплую руку и ободряюще улыбнулась:

— Не печальтесь, сударыня! Сказку, написанную любящим сердцем, не способна заморозить ни одна стужа. Расскажите нам, о чём была ваша история — мы с Чорой запишем её заново, а я нарисую к ней самые красивые картинки!

А пока Настя доставала карандаши, проснувшаяся на запах тревоги тётушка Агата уже хлопотала у камина, доставая из своего бездонного саквояжа румяные антоновские яблоки, грецкие орехи и горшочек липового мёда. Стоило графине начать свой неспешный, певучий рассказ о храбром снегире, искавшем звезду для заблудившегося путника, как произошло тихое чудо: чернила на пожелтевших листах её тетради вдруг сами собой оттаяли и засветились мягким золотым светом, слово в слово повторяя её добрую сказку!

А когда на стол подали горячие, запечённые в каминной золе яблоки с медовой карамелью и орехами, вагон наполнился таким душевным теплом, что даже метель за окном на миг присмирела.

Рецепт из саквояжа тётушки Агаты: Запечённые яблоки с мёдом, корицей и грецкими орехами. Этот старинный, невероятно уютный десерт готовится за двадцать минут, наполняет дом ароматом праздника и дарит настоящее душевное тепло:

Ингредиенты (на 4 порции):

Крупные яблоки плотных сортов («Антоновка», «Симиренко» или «Гала») — 4 шт.;
Грецкие орехи (очищенные) — 50 г;
Изюм без косточек — 30 г;
Натуральный мёд — 4 ч. ложки;
Сливочное масло — 20 г;
Молотая корица — 1 ч. ложка;
Сахарная пудра для подачи.

Как приготовить:

Разогрейте духовку до 180 °С. Яблоки вымойте и аккуратно вырежьте серединку с косточками ножом или специальным приспособлением, стараясь не прорезать дно, чтобы получились «чашечки».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.